

Благодаря вмешательству Линь Шаоя то, что казалось неразрешимой проблемой, уладилось в один миг.

— Да уж, иметь связи на самом верху — штука полезная, — вздохнул Шэн Синъюань.

Хань Жуй окинул его холодным взглядом:

— Хочешь, местами поменяемся?

Заметив, что друг не в духе, Синъюань тут же примирительно улыбнулся:

— Да я же шучу. Если бы не твой дядя, мы бы до сих пор метались как слепые котята.

Хань Жуй неохотно кивнул:

— Сам не ожидал, что он сделает первый шаг.

— Может, он и не такой сухарь, как тебе кажется, — мягко заметил Синъюань.

За время их совместной службы он успел немного узнать о семье Хань Жуй. Этот колючий, вечно нахохленный парень никогда ни в чём не нуждался материально, но нормального домашнего тепла отродясь не видел.

Нищета духовная всегда ранит глубже, чем бедность вещественная. Шэн Синъюань, выросший в атмосфере искренней родительской любви, невольно сопереживал Хань Жую. Его одиночество, отчуждённость и затаённая злоба на весь мир вызывали у Шэна острое желание помочь. Поделиться собственным счастьем, чтобы унять чужую боль; забрать себе половину этой горечи, чтобы уберечь друга от вечной стужи в душе.

Три месяца в роте новобранцев сплотили их сильнее, чем можно было представить. Хань Жуй стал для Синъюаня названным братом, но если к родному младшему братишке, Чжиюаню, Шэн испытывал привычную семейную привязанность, то к Хань Жую примешивалось ещё и щемящее чувство жалости. Да, именно жалости — пронзительной и глубокой. Этот гордый, ранимый парень с первого дня не выходил у него из головы. Хотелось защитить его от невзгод, отогреть его ожесточившееся сердце.

Будем честны: в роте хватало ребят из семей победнее и попроще, но именно с Хань Жуюм Шэн сошёлся ближе всего. У Синъюаня был золотой характер, каждый тянулся к нему за поддержкой, видя в нём надёжное плечо. Но Шэн вовсе не был безотказным добряком. Напротив, за его безупречной вежливостью и мягкостью скрывались чёткие личные границы и трезвый ум.

Он был куда искущённее в людских отношениях, чем вечно хмурый Хань Жуй. И всё же в чём-то они были на удивление похожи. Хань Жуй признавал только «своих». Он доверился Шэну — пусть и с оговорками, в силу своего недоверчивого нрава. Но даже эта скромная открытость дорогого стоила: Хань Жуй не впускал на такую глубину даже собственных родственников.

Синъюань же, умея ладить абсолютно со всеми, ко всем относился одинаково ровно — и за этой всеобщей доброжелательностью крылось некое равнодушие. Настоящим исключением стал именно Хань Жуй с его резкими перепадами настроения и колючими замечаниями. То, что Шэн безропотно сносил его капризы, лучше любых слов доказывало: этот парень занимал в его жизни особое место.

После очередной беспричинной вспышки характера со стороны Хань Жуя Шэн неизменно успокаивал себя одной и той же мыслью.

«Может, этот невыносимый мальчишка — моё личное испытание? Или сама судьба привела меня в армию, чтобы я вытащил его из этой беспросветной тьмы?»

Ну как можно всерьёз обижаться на этого ранимого ребёнка? Ему и так досталось в жизни. Раз уж он, старший по возрасту, взял над ним шефство, то нужно идти до конца. Мать умерла, с отцом связи нет... Что ж, значит, роль старшего брата ляжет на его, Синъюаня, плечи.

«Я сделаю всё, чтобы ты улыбался, чтобы чувствовал себя в безопасности — пока не обретёшь собственный настоящий дом»

Три месяца службы в качестве новобранцев пролетели незаметно. Шэн Синъюань, полный радужных надежд и юношеского задора, вместе с Хань Жуем готовился к отправке в боевое подразделение. Третьим в их компании оказался Чжан Шуай, только вчера выпущенный с гауптвахты, где он отсидел трое суток, схлопотав строгий выговор в личное дело.

О том, как этот незадачливый боец умудрился распределиться в тот же полк, что и они... что ж, история долгая.

Сразу после торжественного парада новобранцы вернулись в расположение, где прошла церемония приведения к присяге и вручения погон. Вчерашние «зелёные» юнцы наконец примерили новенькое обмундирование, на погонах которого теперь красовалась заветная лычка рядового.

В тот праздничный день сияли все без исключения. За отличные показатели на смотре сам командир полка приехал объявить благодарность личному составу. Более того, в честь успешного окончания обучения в роте новобранцев полевая кухня расщедрилась на праздничный ужин — по два дополнительных бонуса на каждого!

Ура! Теперь они настоящие, полноправные защитники Родины! Впереди ждали суровые будни боевого полка. Радостные бойцы то и дело ощупывали новые петлицы и шевроны, суетились,

подписывали друг другу открытки и обменивались скромными армейскими сувенирами на память.

— Командир, черкни пару слов на память! — Юй Вэй с сияющей улыбкой протянул Шэн Синъюаню записную книжку в защитном переплёте.

— Ого, уже памятные альбомы пошли? — Синъюань полистал блокнот. Там уже красовались пожелания не только от ребят из их отделения, но и от парней из других взводов. Общительности Сяо Юя можно было только позавидовать.

— Ну напиши, командир! — Юй Вэй заботливо открутил колпачок у ручки и вложил её Шэну в пальцы.

— Нам ведь всё равно в одну роту ехать, — с улыбкой приподнял бровь Синъюань, но ручку взял и размашисто принялся за дело.

Почерк у него был твёрдый, каллиграфический — среди полуграмотных каракулей вчерашних школьников Шэн слыл настоящим мастером каллиграфии.

— Вот это рука! Чистый восторг! — подскочил к нему Ян Сяоху с собственным блокнотом. — Командир, и мне тоже черкни!

— И тебе напишу, — добродушно согласился Синъюань.

Быстро закончив с альбомом Юй Вэя, он бросил взгляд на сидевшего поодаль Хань Жуя, который молча раскладывал по стопкам выстиранное бельё.

— Хань Жуй, а ты парням что напишешь?

Тот вздрогнул от неожиданности и поднял голову:

— В смысле?

— Пожелания на память! — улыбнулся Синъюань, демонстрируя раскрытую записную книжку.

— Точно-точно! Хань Жуй, черкни мне пару ласковых! — подхватил Юй Вэй, заметив, что командир собирается передать тетрадь другу.

Хань Жуй ненадолго задумался, после чего коротко качнул головой:

— Нечего мне писать.

У Сяо Юя от такой наглости едва пар из ушей не пошёл. «Да если бы командир сам не предложил, я бы к тебе близко не подошёл! Тоже мне, выискался принц на белом коне! Тьфу на тебя!» — мысленно выругался парень.

Заметив, как помрачнел Юй Вэй, Синъюань поспешил сгладить неловкость:

— Да он просто стесняется своего почерка, боится опозориться. Не переживай, я напишу от его имени.

— Я вовсе не... — начал было Хань Жуй.

— Да-да, я всё понял! Обещаю сочинить нечто максимально патриотическое и воодушевляющее! — перебил его Синъюань и выразительно подмигнул товарищу, беззвучно умоляя: «Дружище, ну подыграй ты мне, не порти парням праздник!»

Хань Жуй посмотрел на его умоляющую физиономию и нехотя замолчал, уступив другу.

Взяв на себя роль личного секретаря Хань Жуя, Синъюань вывел в блокноте Юй Вэя высокопарную тираду о том, что их боевое братство крепче гранита и глубже океана. Читая эти штампованные лозунги, Сяо Юй лишь скептически кривил губы, но спорить не стал.

Стараниями неутомимого командира отделения в памятных книжках всех бойцов появились тёплые напутствия за подписью «Хань Жуй». Настоящие они были или фальшивые — неважно; главное, что имя этого нелюдимого парня осталось на бумаге, запечатлев его присутствие в истории их маленького коллектива перед тем, как первое отделение прекратит своё существование. Этого было вполне достаточно.

Куда серьёзнее обстояли дела с Чжан Шуаем.

Решить его участь силами вчерашних новобранцев было попросту невозможно.

Конечно, у Хань Жуя имелся влиятельный покровитель, но парень и сам изрядно нервничал, когда просил дядю устроить их с Шэн Синъюанем в одну часть. Получив желанное согласие от Линь Шаоюя, Хань Жуй так обрадовался, что напрочь позабыл о несчастном товарище по отделению, томящемся под замком.

Даже если бы он и вспомнил про бедолагу Шуая, просить за него всё равно бы не стал. Во-первых, Линь Шаоюй оставался для него чужим человеком, с которым связывало лишь формальное родство. Во-вторых, Чжан Шуай для Хань Жуя был пустотой, случайным прохожим. К любым проявлениям близости Хань Жуй относился с глубоким равнодушием. Сделал глупость — отвечай по закону, а как там с ним поступит начальство, Хань Жуя не заботило.

К счастью, кроме Синьюаня никто в отделении не догадывался о высокопоставленном родственнике Хань Жуя. Иначе сослуживцы своими мольбами и слезами вынудили бы его пойти на поклон к дяде.

— Да что ж делать-то теперь! — Ян Сяоху залез с ногами на табуретку и уныло завыл.

Радость от получения погон улетучилась, уступив место тревоге. Стоило шуму поутихнуть, как до ребят дошло: завтра отправка в боевые части, а их непутёвый товарищ всё ещё заперт в четырёх стенах штрафного изолятора.

Как ему помочь? Бойцы растерянно переглядывались.

— Командир, неужели совсем ничего нельзя сделать? — спросил Юй Вэй, убирая памятный блокнот в вещмешок и усаживаясь рядом со вздыхающим Сяоху.

Синьюань лишь безнадежно покачал головой. Он и сам не понимал, как классифицируют проступок Чжан Шуая. Дезертирством это назвать трудно — парень вернулся, но и невинной прогулкой не сочтёшь, ведь поймали его в глухих лесах за пределами гарнизона. Оставалось только гадать, к какому решению придут отцы-командиры в штабе, и стоит ли заранее суесться или лучше дожидаться официального вердикта.

Да и что мог сделать временный командир отделения? То, что его самого не лишили должности за упущение контроля над подчинённым, — чистая заслуга взводного, который лично поручился за него перед ротным. Лезть к ротному на рожон сейчас было верхом глупости. Как любил говаривать Хань Жуй: «чистой воды суицид». Поэтому Шэн предпочёл затаиться и покорно ждать, куда дунет ветер перемен.

Пока в казарме первого отделения шло бурное обсуждение, в канцелярии роты вовсю кипели нешуточные страсти — там со стуком опускались кулаки на столы.

— Ни за что! В моей роте дезертирам не место! — багровея от злости, орал У Тао, стоя перед командиром полка Ван Цзыюном.

— Ах, не место? — командир полка, восседавший во главе стола, опасно прищурился. — Тогда и лучших бойцов тебе не видать. Когда приезжала комиссия, половина ротных у меня пороги оббивала, умоляя отдать им Хань Жуя и Шэн Синьюаня!

— Ищи дурака! — не сдавался ротный. — Я с ними три месяца в грязи валандался, жилы из себя тянул не для того, чтобы другие на готовенькое пришли! Кто на моих снайперов позарится — лично шею сверну!

— Ты кому тут шею сворачивать собрался, щенок? — вкрадчиво поинтересовался Ван Цзыюн, приподняв бровь.

Поняв, что перегнул палку, У Тао тут же сбавил тон и заискивающе придвинулся к столу полковника:

— Товарищ командир, ну войдите вы в моё положение! Хороших ребят днём с огнём не сыщешь. Я три месяца из кожи вон лез, чтобы теперь седьмая и восьмая роты получили готовых отличников службы? Если так, я больше к обучению новобранцев и близко не подойду!

— Ишь ты, условия он мне ставит! — хмыкнул Ван Цзыюн.

— Никаких условий, товарищ полковник, — проворчал У Тао. — Я просто не хочу брать к себе этого бегунка. Сплавьте его куда-нибудь с глаз долой, делов-то.

— Легко сказать! — полковник аж рассмеялся от такой простоты. — О его художествах весь гарнизон гудит. Солдаты шепчутся, будто ты парня до ручки довёл своими драконовскими методами, вот он и рванул в бега. Теперь его никто брать не хочет, боятся греха подальше.

— Ну так и я не возьму! Отправьте его обратно на гражданку!

— Разбежался! — рявкнул Ван Цзыюн, мгновенно посерьёзнев. — Я навёл справки об этом парне. Деревенский паренёк, выносливый, крепкий, а главное — бесхитростный. Да, тугодум, соображает со скрипом, но это не значит, что из него не выйдет толк.

— Тогда пускай идёт в отделение животноводства, навоз грести!

— В твоей роте отделения животноводства отродясь не было, — резонно заметил полковник.

— Таким только свиней и пасти! — огрызнулся У Тао. — И то не факт, что справятся...

— Не смей ставить крест на человеке раньше времени! — полковник устало потёр переносицу. С этим упрямым бараном сладу не было. Сам же вырастил себе на голову наглого ротного, теперь расхлёбывай. — Разговор окончен. Схема простая: забираешь к себе лучших бойцов — в нагрузку получаешь этого горе-снайпера.

— Но...

— Пикнешь ещё хоть слово — и твои золотые выпускники уедут служить к соседям! — отрезал Ван Цзыюн, пресекая любые попытки оспорить приказ. Он поднялся и размашисто направился к выходу.

— Это произвол! Чистой воды самодурство! — крикнул ему в спину У Тао, выбегая в коридор. — Да ему только свиней кормить!

Ван Цзыюн резко затормозил, обернулся и процедил сквозь зубы:

— Ещё один звук, капитан, и он будет кормить тебя.

<http://bllate.org/book/18240/1765398>